

В.А.Мазиллов, В.В. Козлов, Ярославль

Не подлежит сомнению, что и творчество, и духовность находятся в последнее время (особенно духовность) в поле внимания психологов. Исследования, проводимые в рамках как общей психологии, так и других психологических дисциплин, позволили получить ряд интересных результатов, проливающих свет на психологические механизмы и наиболее значимые факторы этих явлений. Правда, эти результаты, как правило, оказываются значительно скромнее, чем ожидалось. Представляется, что это вовсе не случайно.

В настоящее время не только творчество и духовность представляют объект для психологического исследования (что естественно и тривиально), но и творчество (и особенно духовность) представляют собой существенную проблему для психологии, причем такую проблему, которую в современных условиях решить чрезвычайно непросто: на самом деле в рамках традиционной общей психологии для духовности «места» вообще не предусмотрено, а творчество сводится чаще всего к элементарной «нетривиальности» в принятии того или иного решения. На наш взгляд, это означает, в первую очередь, слабость общей психологии. Общая психология должна обеспечивать «рабочие пространства» для изучения основных психологических проблем. И, если, скажем, духовность вообще не предусмотрена в качестве «измерения» психических явлений, то это, в первую очередь, проблема того учения, которое выступает в качестве общей психологии, то есть той концепции, которая создает исследовательские пространства и способы понимания психического в целом и его отдельных проявлений, в частности.

На пороге XXI века кризис традиционной общей психологии несомненен. В поисках перспективных альтернатив взоры исследователей обращаются к различным направлениям в мировой психологической мысли. Уходит двадцатый век, столетие, наполненное событиями - как трагическими, драматическими, так и выдающимися достижениями. Претерпела существенные изменения политическая карта мира, который из биполярного становится полиполярным (во всяком случае, очень хочется на это надеяться). Во многих областях науки и техники состоялись прорывы в неизведанное, радикально изменившие традиционные представления. Это, конечно, коснулось и научной психологии. Двадцатый век дал много нового для понимания природы человеческой психики: достаточно назвать имена Зигмунда Фрейда и Карла Юнга, Льва Семеновича Выготского и Александра Романовича Лурии, Курта Левина и Жана Пиаже... Безусловно, психологии XX столетия есть, чем гордиться. Но, к сожалению, приходится констатировать, что большая часть выдающихся достижений приходится на первую половину уходящего столетия. И весьма возможно, что дело здесь не только в особенностях восприятия историко-научной перспективы. Действительно, во второй половине двадцатого века в психологии происходили во многом неожиданные события. В частности, возникло впечатление, впоследствии перешедшее в убеждение, что кризис в психологии, достигший своего апогея в первой трети столетия, постепенно преодолевается, противоречия стираются. Это замечательно сформулировал Поль

Фресс в классическом руководстве по экспериментальной психологии (1963): "К единству психологии при разнообразии проблем" [9, с.80]. Этим надеждам, увы, не суждено было сбыться. Более того, со временем становится очевидно, что в конце столетия психология вступает в новую фазу кризиса. К традиционному "кризису" добавляется раскол между наукой и практикой: сейчас, когда практическая психология становится мощной силой, недооценивать последствия такого раскола, мягко выражаясь, недальновидно [4]. Можно констатировать наличие в современной психологии и других диссоциаций: между философской и научной психологией, между психологией Запада и восточной психологией и т.д. (см. об этом подробнее [5]).

Впрочем, о кризисе говорить можно долго: ничего нового в подобной констатации нет. При желании истоки такой диссоциации можно обнаружить уже в семидесятые годы девятнадцатого столетия (дата рождения научной психологии - Вильгельм Вундт (1874) объявляет о выделении физиологической психологии из философии), когда Франц Brentano (1874) обратил внимание на неблагополучие в психологии. А "предысторию" легко обнаружить еще в античности, когда не было ни науки психологии, ни самого термина "психология". Подлинные "истоки" этой диссоциации, видимо, следует искать в том, что психология вырастает одновременно из разных корней, на что в свое время пронзительно обратил внимание еще Макс Дессуар [3]. Скажем в двух словах о предыстории. Аристотель, как известно даже студенту-первокурснику, - "отец психологии" - автор первого трактата с психологической проблематикой: "О душе". Уточним, что тогда, естественно, не было ни психологии как науки (философское знание охватывало все аспекты души - выделять особый, психологический не было никакой нужды), ни самого слова - психология. Оно, как опять же хорошо известно, появилось куда позднее. Но другое слово изобрел Платон. В диалогах "Федр" и "Законы" Платон говорит об искусстве управления людьми, которое должно опираться на определенное знание человеческой души. Для обозначения этого искусства Платоном используется слово "психагогия". Как справедливо указывает И.Брес, "психагогия" соседствует у Платона с "рассуждениями о душе" (*logos peri psyche*). Напомню, "*Peri psyche*" - аристотелевский трактат, с которого начинается в западной традиции философский этап разработки психологической проблематики. Очевидно, что уже во времена Аристотеля и Платона существовало некоторое разграничение знаний о душе ("рассуждения о психике", с одной стороны, "искусство действовать", сообразно ее законам, с другой). Знание о душе и психопрактика: зародыш разделения на "научное" и "практическое". К этому стоит добавить знаменитое сократовское "*gnothi seauton*" ("познай самого себя"). Следовательно, при желании в этой дифференциации (замечу, при отсутствии общего термина - психология) можно увидеть одно из первых проявлений проблемы, которая выйдет на первые роли значительно позднее. Указанные диссоциации можно без труда обнаружить на любом этапе развития психологической мысли, что свидетельствует о нерешенности главной психологической проблемы: "что есть психика?" Стоит лишь заметить, что в основе всех диссоциаций лежит, как можно полагать, ограниченное понимание предмета психологии.

Кризис в современной психологии зафиксирован многими авторами. Одни видят возможный выход из кризиса в обращении к работам Л.С.Выготского, которые могут помочь разрешить противоречие между естественнонаучным и герменевтическим

подходами [2]. Другие усматривают такую возможность в трудах А.Р.Лурии, в которых делается попытка построения "романтической науки" [16]. По мнению автора настоящей статьи, рассчитывать на то, что в концепции того или иного психолога (даже выдающегося) уже есть ответ на стоящие перед наукой вопросы, не приходится. По-видимому, единственный путь (на который, кстати, в свое время указывал Л.С.Выготский) состоит в разработке самой психологией своей научной методологии. Первым шагом при этом должен быть осуществлен пересмотр трактовки предмета научной психологии. И в этом случае, как представляется, полезным может оказаться подход к пониманию психического, разработанный выдающимся швейцарским психологом Карлом Густавом Юнгом (1875-1961).

Мне уже приходилось писать о проблемах, возникающих в отечественной психологии в связи с "возвращением" в Россию работ К.Г.Юнга. Два года, прошедшие со времени опубликования статьи, убедили в правомерности сделанных выводов. Действительно, Юнг "вернулся": его главные труды в переводе на русский вышли практически полностью (остались неопубликованными только отдельные статьи, труды "Эрании", протоколы семинаров и пр.). В последнее время опубликованы "объемные" труды "позднего" Юнга "Психология и алхимия", "Aion", "Mysterium Coniunctionis". Количество сборников юнговских работ с трудом поддается обзору: постоянно выходят новые, параллельно публикуются новые переводы уже изданных по-русски книг. Это оправданно, т.к. Юнг - писатель "трудный", перевести его, особенно поздние произведения не так просто. "Возвращение" состоялось. Более того. В самое последнее время мы можем видеть усиление интереса к личности Юнга. Одна за другой выходят биографии, жизнеописания Юнга. Переводятся труды, претендующие на раскрытие «подлинного» смысла юнговского учения, раскрывающие «тайную» жизнь самого автора. Появляются на русском языке работы, анализирующие отношение юнговских концепций к религиям (в первую очередь к язычеству и христианству). Но основной вывод давней статьи, увы, справедлив - работы Юнга не востребованы в полной мере нашей психологией и поныне. Вероятно, (особенно в свете вышеперечисленного) это представляется парадоксальным. Но, по глубочайшему убеждению автора настоящих строк, недооценка юнговских работ имеет место. "В целом психология Юнга нашла своих последователей больше среди философов, поэтов, религиозных деятелей, нежели в кругах медиков-психиатров", - такая оценка представляется справедливой [1, с.353]. Но и в области собственно психологической дело обстоит не так просто: всем известен Юнг - автор теории личности, популярной классификации психологических типов, концепции коллективного бессознательного, создатель нового направления в психотерапии и т.д. и т.п. По мнению автора настоящих строк, недооцененным и потому в должной степени невостребованным современной российской психологией является "методологический" вклад Юнга в реформирование общей психологии. Новый взгляд на "психэ", содержащийся в трудах Карла Юнга, может оказаться чрезвычайно полезным современной психологической науке, испытывающей явные методологические затруднения на пороге XXI века. По убеждению автора настоящей статьи, для обеспечения интеграционных процессов, направленных на преодоление различных диссоциаций, речь о которых шла выше, необходимо (в качестве основы для возможного соотнесения различных подходов в психологии) максимально широкое понимание психического. Подобное юнговскому.

Обратимся к юнговской аналитической психологии. (Разумеется, в рамках небольшой статьи невозможно осветить столь объемный вопрос сколь-нибудь подробно. Поэтому здесь ограничимся тем, чтобы обозначить лишь основные моменты юнговской концепции, наиболее значимые для сегодняшней психологии).

Хорошо известно, что попытки построить научную психологию во второй половине XIX столетия происходили "вокруг" психофизиологической проблемы. Рассматривая отношение "дух - мозг", философия и психология выработали несколько вариантов решения проблемы. Все они, как известно, оказались не слишком удачны: параллелизм давал немного (психическое оказывалось одновременно и эпифеноменом, и нуждалось в указании на источники, побуждающие к активности), монизм тоже не мог решить проблему. Для психологии же это превращалось в настоящий кошмар: она становилась настоящей наукой о "призраках" (если вспомнить знаменитую метафору Выготского из "Исторического смысла") - действительно, какая может быть наука о свойствах: реально должны существовать вещи. (Напомню, что психика многими понималась как свойство материальных тел). Психическое как субстанция представлялось анахронизмом, возвратом к метафизике, заклеянной и отвергнутой позитивной эмпирической наукой.

Тем отважней была попытка, предпринятая Юнгом, вернуть в науку психическое как реальность. "Чтобы правильно понять теорию Юнга, мы должны прежде всего принять его точку зрения, согласно которой все психические явления совершенно реальны. Как ни странно, эта точка зрения относительно нова. Еще несколько десятилетий назад психология рассматривалась не столько как независимая наука, сколько как побочная ветвь религии, философии и естествознания, и это, конечно, мешало распознать истинную природу психической субстанции", - писала Иоланда Якоби в 1939 г. [15, с.388]. Магия психической реальности оказалась настолько сильной, что переводчик книги Якоби на русский язык (издание 1996 г.) переводит юнговский термин *Psyche* (психэ, психика) как психическую субстанцию. Речь у Юнга о психике как субстанции все же не идет. Но трактовка психического как реальности, несомненно существующей и составляющей предмет изучения психологии, очень важна. "Что касается Юнга, то для него психическая субстанция (психика - В.М.) так же реальна, как и тело. Будучи неосязаемой, она, тем не менее, непосредственно переживается; ее проявления можно наблюдать. Психическая субстанция - это особый мир со своими законами, структурой и средствами выражения" [15, с.388]. К.Г.Юнг отказывается от попыток соотношения психического и физиологического, психического и биологического для того, чтобы сосредоточиться на исследовании психики как таковой: "... я посоветовал бы ограничиться психологической областью без каких либо допущений о природе биологических процессов, лежащих в их основании. Вероятно, придет день, когда биолог и не только он, но и физиолог протянут руку психологу и встретятся с ним в туннеле, который они взялись копать с разных сторон горы неизвестного" [12, с.91]. "Психика вполне заслуживает того, чтобы к ней относились как к самостоятельному феномену; нет оснований считать ее эпифеноменом, хотя она может зависеть от работы мозга. Это было бы так же неверно, как считать жизнь эпифеноменом химии углеродных соединений" [17, р.8]. Психология обретает свой собственный предмет (психика для Юнга не свойство другой вещи!), то, что реально может исследоваться с помощью вполне "рациональных" методов. Другое дело, что это не похоже на

традиционные процедуры расчленения содержаний сознания на элементы (достаточно сравнить амплификативный метод Юнга и традиционную интроспекцию).

"С помощью своего основного определения психики как "целокупности всех психических процессов, сознательных и бессознательных" (Собр. соч. Т. 12, пар. 797), Юнг намеревался очертить зону интересов аналитической психологии, которая отличалась бы от философии, биологии, теологии и психологии, ограниченных изучением либо инстинкта, либо поведения. Отчасти тавтологический характер определения подчеркивает обособление проблемы психологичностью исследования: взаимное наложение субъективных и объективных интересов" [8, с.116]. Таким образом, психология возвращается к соблюдению знаменитого шпрангеровского "psychologica - psychological" - требования объяснять психическое психическим.

Трудно переоценить отказ от понимания психического как механизма, состоящего и постоянных элементов. Взгляд на психологию меняется, "если постараемся рассматривать душу (психэ - В.М.) не как твердую и неизменную систему, а как подвижную и текучую деятельность, которая изменяется с калейдоскопической быстротой..." [13, с.33-34].

Не имея возможности анализировать здесь перспективы, открывающиеся перед психологией с пересмотром понимания ее предмета (см. об этом в статье "Карл Густав Юнг и методологические проблемы психологии" [6]), хочу обратить внимание читателя на то, что: 1) психическое - далеко не гомогенное образование; напротив, это кипящий котел противоположных импульсов, запретов, аффектов и т.д.;

2) психическое - чрезвычайно сложное явление, поэтому на современном этапе исчерпывающая теория невозможна;

3) психическое имеет свою структуру, динамику, что позволяет описывать и изучать собственно психологические законы;

4) можно говорить о психической энергии;

5) психическое представляет собой целостность;

6) можно говорить о психическом, не предполагая редукции к непсихологическому;

7) объяснение психического не сводится лишь к причинному объяснению (синхронистичность как акаузальный принцип);

8) разработаны свои, особые методы (например, синтетический, амплификации и т.д.).

К сказанному можно добавить, что это психология, которая включает человека и в мир культуры, и позволяет использовать знание на практике, и направлена на самопознание человека. Важно подчеркнуть, что психическое не сводится к механизму: в таком изображении психика - форма жизни, "живая жизнь". Все это возможно благодаря тому,

что достаточно широко и адекватно понимается предмет психологии, что позволяет от искусственных абстракций обратиться к анализу реальной жизни... Таким образом, оказываются преодоленными основные пороки психологии Вундта, многие из которых живы до сих пор в академической психологии.

Впрочем, автор настоящих строк отнюдь не хотел бы "заставить" всю психологию стать аналитической психологией, развивающей идеи К.Г.Юнга. Эти положения приведены лишь для того, чтобы показать принципиальную возможность иного понимания предмета психологической науки. Разрабатывать методологию (да и пытаться создавать теорию психического современной психологии предстоит самостоятельно).

"Свои суждения и концепции я рассматриваю как опыт построения новой научной психологии, основанной прежде всего на непосредственном опыте общения с людьми. Мое учение нельзя назвать разновидностью психопатологии; это скорее общая психология с элементами патологии" [11, с.387], - эта оценка К.Г.Юнгом своего подхода, данная в 1939 году, представляется точной. "При рассмотрении вклада Юнга в развитие нашей культуры становится очевидным, как мне кажется, одно его достоинство. Юнг дал явный ответ на самую актуальную психологическую потребность нашей культуры в самопознании, которая существует начиная с Эдипа и далее до Сократа, Гамлета и Фауста. Юнг не только взял максимум "познай себя" в качестве лейтмотива своей жизни, но и дал нам метод, с помощью которого каждый из нас может дать ответ на основной вопрос самопознания. Именно у Юнга мы можем найти ответ на вопрос, являющийся главным стимулом любой психологии вообще, - как познавать себя, искусство ли это или метод самопознания" [10, с.65]. Юнг подчеркивал: "... наша психология в высшей степени практическая наука. Она занимается исследованиями не ради самих исследований, а ради того, чтобы помочь страждущему. Не преувеличивая, можно сказать, что приумножение знания - не столько ее основная цель, сколько побочный продукт; этим также она отличается от академической науки" [12, с.103].

Как легко увидеть, понимание предмета у Юнга таково, что позволяет избежать "диссоциаций", неизбежных при "узкой" трактовке предмета.

Отметим, что, на наш взгляд, концепция Юнга (точнее, методологические следствия, которые можно из нее вывести) позволяет понять духовность как феномен, несомненно и объективно существующий. Это обстоятельство недооценить невозможно: духовность становится доступной изучению. То же самое можно сказать и о феномене творчества: возможность рассматривать его как продукт сложных отношений между инстанциями личности, как феномен трансперсональный, следует расценивать как многообещающую перспективу.

Таким образом, можно констатировать, что перспектива дальнейшей психологической разработки проблем творчества и духовности непосредственно связана с реформированием самой научной психологии, обретением ею более широкого взгляда на собственный предмет. Именно от такого нового понимания предмета зависит изучение конкретных психологических вопросов, к числу которых относятся и феномены творчества и духовности.

И наконец, последнее. События, проходящие на планете на пороге нового века, являются убедительным свидетельством необходимости интеграции, взаимопонимания не только между различными государствами и народами, но и между Востоком и Западом как разными типами культуры и разными способами миропонимания. Юнг, сделавший много для того, чтобы восточные пути духовного развития человека стали известны и понятны на Западе, писал: "Западная цивилизация насчитывает всего лишь тысячу лет и первым делом должна освободиться от своей варварской односторонности. Речь идет прежде всего о более глубоком понимании человеческой природы" [14, с.38]. Тем не менее он резко возражал против "имитации методов", возникших в иных психологических условиях. Возможно, в юнговском подходе содержится то понимание психэ, которое позволит создать методологию психологии XXI века: не стоит забывать - мир стоит на пороге нового тысячелетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александер Ф., Селесник Ш. Человек и его душа: Познание и врачевание от древности и до наших дней. М.: Изд. гр. "Прогресс" - "Культура", 1995.
2. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии, № 4, 1997, с.86-96.
3. Дессуар М. Очерк истории психологии. С.-Пб.: Книгоизд. О.Богдановой, 1912. 218 с.
4. Мазилев В.А. Психология: шизофрения, как и было сказано // Психотехнологии в социальной работе. Ярославль: МАПН, 1998.
5. Мазилев В.А. Стены и мосты // Психотехнологии в социальной работе. Ярославль: МАПН, 1997.
6. Мазилев В.А. Карл Густав Юнг и методологические проблемы психологии // Бюллетень МАПН. Саратов, Ярославль: МАПН, 1998
7. Мазилев В.А. Карл Густав Юнг: возвращение в Россию // Психотехнологии в социальной работе. Кострома, 1996.
8. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К.Юнга. М.: ЭСИ, 1994. 184 с.
9. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология/Ред. П.Фресс, Ж.Пиаже. Вып.1,2. М.: Прогресс, 1966, с.15-98.
10. Хиллман Д. Исцеляющий вымысел. Спб: Б.С.К., 1997.
11. Юнг К.Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996. 560 с.

12. Юнг К.Г. Конфликты детской души. М.: Канон, 1995. 336 с.
13. Юнг К.Г. Божественный ребенок. М.: Олимп, 1997.
14. Юнг К.Г. Йога и Запад. Львов: Инициатива, Киев: Airland, 1994.
15. Якоби И. Психологическое учение К.Г.Юнга // Юнг К.Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996.
16. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology // I Международная конференция памяти А.Р.Лурии - First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24-26, 1997. М.: MGU, p. 117.
17. Jung C.G. Collected Works. v.8. N.Y.; L., 1968.
18. Mazilov V.A. About Methodology of Russian Psychology of Today // A psychological Pulse of the Russia. М., 1997.